

Виктор Точинов

Русалка на ветвях сидит

Твари, в воде живущие

Виктор Точинов

Русалка на ветвях сидит

«Точинов Виктор»

Точинов В. П.

Русалка на ветвях сидит / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
— (Твари, в воде живущие)

© Точинов В. П.
© Точинов Виктор

Виктор Точинов

РУСАЛКА НА ВЕТВЯХ СИДИТ...

Осколки легенды

Осколок 1

2003 год

... в Питер выбрался, к Антохе-свояку, двадцать лет всё не собраться было. Он-то с семейством у нас часто гостил – Крым все-таки, понятное дело, и к себе каждый раз приглашали, да все как в том фильме получалось, ну, про Колыму: лучше уж вы к нам... Но нынче собрались с Клавдией: дети повзростали, хлопот поменьше, да и трехсотлетие опять же не каждый год случается. Приехали, Антон с Маришкой встречают – то да сё, охи-вздохи, бутылёк раздавили со свиданьем... Ну, бабы, понятное дело, после такого сели, языками сцепились, трактором с места не сдвинешь. А мы со свояком прогуляться пошли. Куда? – да на Невский, понятное дело, Питер с него начинается, новостройки, где Антоха вписался, везде одинаковые...

Невский, да... Помню, в молодости, эх-х-х... А сейчас – не то, всё не то... Да и проспект не тот: Макдоналдс на Мотороле сидит, Самсунгом погоняет. Свояк-то привычный, на глазах у него всё менялось, потихоньку – а мне как серпом по Фаберже. От такого, понятное дело, душа загорелась. В центре в забегаловках-то цены ядерные, ну да у нас с собой было – свернули на Пушкинскую, тихое местечко ищем... Таблички на домах там любопытные: кроме номера у каждого дома своё название. В честь книжек Александра Сергеевича, значит. Вот те дом «Руслан и Людмила», а вот «Евгений Онегин», ну в онегинском дворике мы и того... Антоху с такого дела аж на лирику пробило, как по первой выпили, – стих пушкинский прочел, длинный. А я к стихам не очень, со школы про русалку на ветвях помню, да про чудное мгновение, и то кусками... Я ему в ответ историю прозой рассказал – как по второй приняли.

Вот, говорю, ты на улице Белы Куна обитаешь – так там тоже можно к домам таблички крепить особые. Нет, не с книжками. На каждый дом – доску памятную, а на нее – фамилий так с тысячу. Не знаю уж, чем там товарищ Бела в литературе отметился – у нас в Крыму он в двадцатом все больше списки расстрельные подписывал. А то и без списков – всех чохом под пулеметы. От моего дома в трех верстах балка Карачаевская есть, так ее еще при коммунистах дамбой перекрыть решили, запрудить, значит. Бульдозер землю ковырнул – а в ней кости, кости, кости... Человеческие, понятное дело. Скелеты. Тысячами. Ну, коммунакам про такое вспоминать не с руки было – пруд ударными темпами заделали, в три смены пахали.

В новые времена обелиск там открыли загубленным. Хотели с крестом да с ангелом скорбящим, так татарва местная бучу подняла: не допустим, мол, на святую землю предков чужие символы. Наши татары, эх... отдельная история.

Так вот, без креста обошлись. Но все равно внушительно получилось. Внизу на камне мелкими буквами фамилии столбиками – и не сосчитать фамилии те. А ведь сколько еще безымянных лежит...

На открытие народу собралось изрядно: и местные, и журналисты с камерами, и депутаты с речами, и милиция с дубинками, и активисты всех мастей – этим, понятное дело, любой повод сгодиться, лишь бы на экране мелькнуть. Ну и родственники приехали – не то чтоб много, как-никак восемьдесят годочков миновало. Но приехали.

Вот. И случилась на том торжественном открытии история странная. Даже загадочная, я бы сказал, история.

Дело так было...

Осколок 2

1937 год

ТАМ был иной мир – страшный, жуткий – очень мало пересекающийся с миром нормальным. О нем старались не говорить, его существование старались игнорировать – точь-в-точь как беспечные уэллсовские элои пытались не замечать мир морлоков... Но представители ТОГО мира порой появлялись в мире нормальном (как и пресловутые морлоки, тоже чаще ночами), появлялись и забирали с собой.

Редко кто возвращался ОТТУДА, а немногие вернувшиеся молчали, ничего не рассказывая... Но жарким июньским днем Алексей Рокшан понял, что скоро сам сможет узнать, как живется в аду. И как в аду умирается... Что следующей белой питерской ночью придут за ним. Может, не следующей, через одну или через две, но придут. После того, как забрали Буницкого, последние сомнения исчезли – а уж Буницкий-то в их студенческой компании интересовался лишь девушками да новыми пластинками к торгсиновскому патефону...

Алексей пошел к Фимке. К детскому своему приятелю Фиме Гольдштейну. Были они отнюдь не закадычные друзья, именно приятели – крепко дружили их отцы, отпрыски поневоле часто проводили время вместе, потом жизненные пути разошлись... Но сейчас то давнее приятельство с Фимой оставалось единственным крохотным шансом – случайно, от кого-то из общих знакомых, Алексей знал: Фима работает ТАМ.

– Значит, говорил при свидетелях, что отец был знаком с Чаяновым и тот был умнейшим человеком? – Фима Гольдштейн изумленно покачал головой, словно не понимал, как взрослый человек мог сморозить такую глупость. Вздохнул и потянулся к телефонной трубке.

Время остановилось. Замерло. Целую вечность тонкие Фимины пальцы смыкались на черном эбоните, целую вечность трубка ползла к уху. Звуки из мира исчезли, почти все: детские голоса во дворе, звон трамваев на улице, бодряя мелодия из репродуктора, – остался только уверенный голос Фимы Гольдштейна.

– Гэ-пятьдесят три-двенадцать.

Мир вокруг становился все менее реальным, похожим на картинку на экране кинематографа. Алексей понял, что он уже наполовину ТАМ.

– Железнов, – так же уверенно представился Фима.

«Точно, он ведь отрекся от отца и сменил фамилию», – отрешенно подумал словно не Алексей, словно бы кто-то другой.

– Товарищ Круминыш? Подошлите машину...

Всё. Конец. Рук и ног Алексей не чувствовал, единственными ощущениями остались холод в желудке и мерзкий вкус во рту.

– ...минут на сорок попозже. Тут друг детства заглянул, десять лет не виделись.

Осознание факта, что путешествие в мир иной откладывается, пришло с запозданием...

– Молодец, – одобрительно сказал Фима, повесив трубку. – Думал, грешным делом, что обмочишься. Навидался.

Достал из серванта графинчик, прозрачная струйка полилась в граненые стопки – судя по резкому запаху, чистый спирт.

«Спирт? Перед работой? Перед ТАКОЙ работой?» – Алексей не понимал ничего.

– Пей! – коротко сказал Фима в ответ на незаконченный жест отказа. Сказал так, что Алексей машинально осушил стопку – и долго не мог прокашляться. Фима выпил легко, как воду.

Заговорил резко, приказным тоном:

– Сегодня же уедешь. В глушь, в провинцию. Будешь сидеть тихо, не высовываясь. Про университет забудь. Через пару лет возвращайся.

– Так ведь найдут... – начал было Алексей.

– Кому ты нужен, интеллигенция? – перебил Фима почти даже ласково, и сам себе ответил:

– Никому ты не нужен. Не нужны сейчас дармоеды, изучающие сказки и собирающие легенды. Нужны рабочие руки: валить лес, добывать золото. И строить, строить, строить... Не заберут тебя, заберут другого – план есть план. Уехать-то есть куда?

– Разве что на родину матери, в Щелицы...

– Деревня?

– Да, под Опочкой, на Псковщине...

– Вот и поезжай. Может заодно, хе-хе, легенд насобираешь...

На прощание Фима сказал с неожиданной тоской:

– Когда-нибудь и про меня легенду напишешь... Знаешь, кем я работаю?

Алексей считал, что знает, но благоразумно промолчал.

– Я работаю Хароном. Бах! – и ты на том берегу. – Фима вытянул руку к стене, резко согнул указательный палец, имитируя движение при выстреле.

Алексей Рокшан молчал, с трудом подавляя рвотные позывы – выпитый без закуски спирт настойчиво рвался наружу.

Осколок 3

1912 год

Приходилось ли вам, милостивые государи, сводить знакомство с трубочистом? Не с персонажем сказок Андерсена, норовящем жениться на принцессе, а с настоящим, реальным деревенским трубочистом? Алеше Соболеву не доводилось, по крайней мере, до этого лета. Родительский дом в Ржеве не был оборудован новомодным калорифером – старое доброе печное отопление – но коим образом удаляется накопившаяся в трубах сажа, Алеша не имел понятия. Даже не задумывался над этой проблемой.

Лытинский трубочист звался Броней – с таким имечком к принцессам и в самом деле лучше не приближаться. Впрочем, по имени Броню в Лытино и окрестных деревнях называли редко, благо имелось у него прозвище, даже целых два.

Во-первых, звали трубочиста Банщиком – оно и понятно, с его работой или в баньку ходи чуть не каждый Божий день, или Арапом прозовут.

Второе же прозвище образовалось от названия главного Брониного орудия труда.

Представляло оно из себя короткую, с руку длиной, цепь, на один конец которой крепилась круглая гиря – весом фунтов двенадцать, а то и все пятнадцать. Чуть выше на той же цепи имелся «ёрш» – презиравная кольцеобразная железная щетка. К другому же концу была привязана длинная веревка.

Наверняка воспетые Андерсеном трубочисты называли предмет сей словом иностранным и благозвучным. Алеша подозревал, что и в российских столицах именуют его иначе, чем Броня. Но тот звал попросту – шурга. И прозвище имел – Шурыган.

Про встречу свою с русалками-берегинями Броня рассказывал, поминутно поминая любимую шурыгу... И, по обыкновению местных жителей, безбожно «чёкая».

– А барыня-то у них, ясно дело, тока деньгами завсегда платит, чёб стаканчик, значить, поднести – ни в жисть. Ну чё, я, значить, тогда чуток крюка дал – к Ермолаичу забежал, значить. А к ему тем разом таку казенную привезли – ох, люта, прям будто шурыгой по голове бьёт! Ну чё – я, значить, стакашок хватанул, другой хватанул, третий... В общем, все барыневы денюшки и того... Дальше бреду, шурыгой, значить, помахиваю: ан тяжко шагается, косятся ноги чёй-то, в голове гудит-звенит – ну прям те благовест пасхальный! К Чугуйке, значить, вышел, малый чуток до моста не добрел – тут и они! Как кто, барич? – берегини ж! Не то с-под бережку, не то прям с воды выскочимши! Штук семь, а то и вся дюжина! И голышом до единой, тока волоса срам и прикрывают! Ну всё, думаю, – пропадай душа христианская... У моста омут-то глыбкий, уволочут – поминай как звали... А они, значить, вокруг выются, смеются залиvistо, руками манют – к нам, мол, иди! А я уж и не прочь – прям как тридцать лет скинул; парнем когда холостовал, по овинам да сеновалам с девками, значить, обжимался – и то запалу такого в портках не припомню... Так ведь и пошедши к ним уже! И сгинул бы, да казенная, чё у Ермолаича откушал, выручила – заплелись ноги-то, шурыга с рук выскользнувши, по сапогу – хрясть! И охолонул, как пелену с очей смыло... Не дам, дочки сатанинские, душу на поругание! Шурыгу схватимши – и ей давай крестить их по чём придется! По голове хрясть! – и нет головы! По ноге, значить, хрясть! – пополам нога! Да чё толку: всё зарастает, как было, прям на глазах же... Обессилемши я совсем, и пропал бы тут – да под горой Лытинской петух заорал. Будто ангел в трубу дунул – распылились враз чертовки, как и не было... Вот ведь каки чудны дела у нас случамши...

Алеша Соболев слушал рассказ Шурыгана и уже жалел о четвертинке казенной, тайком позаимствованной из теткиной кладовой. Качал головой – не то, совсем не то...

Мать расстраивалась:

– Да что же Алешенька в библиотеке-то опять засел? Мало в своей семинарии над книгами горбился? Приехал раз в году отдохнуть, и опять книжной пылью дышит. Погулял бы на природе, развеялся...

Ее младшая сестра Евдокия – всего-то на семь лет старше семинариста Алеши Соболева – улыбалась лукаво.

– Не волнуйся, Глаша, гуляет он на природе, еще как гуляет... Да только на прогулки выбирается, когда мы с тобой уже спать ложимся. И сдается мне, по утрам у него губы не от комаров припухшие... А в библиотеке, думаю, отсыпается просто на диванчике.

Мать смотрела недоуменно, не верила... Для нее Алешенька и в семнадцать лет оставался ребенком... Она ошибалась.

Но ошибалась и Евдокия. Алеша не отсыпался в библиотеке, он трудолюбиво разбирал старинный, с титлами, шрифт, делал выписки, переводя на современный язык наиболее архаичные выражения:

«...В ину пору корабль плывет, хоша по обнаковенной воде, но зато по сторонам-то его бесперечь выныривают чудища: от головы до пояса человек, от пояса до ног – рыбий плес. Вынырнет то чудище, встряхнет длинными волосами, индо брызги на версту летят, да закричит глухим хриплым голосом: „Фараон!“ Это фараоновы воины, что за Мысеим гнались, да потонули и сделались получеловеками...»

Алеша откладывал перо, задумчиво качал головой. Не то, совсем не то...

Осколок 4

1937 год

Деревня не зря носила звучное название Щелицы – за холмом, который переваливала ведущая из Опочки дорога, высился другой холм, весьма похожий. В ложбине между ними и разместилась деревня.

А на ближнем холме стоял когда-то дом, где мог родиться Алексей... Но родился в Петрограде, в декабре семнадцатого – в усадьбу помещиков Лытиных мужички еще летом подпустили красного петуха...

Фима Гольдштейн, ставший товарищем Железновым, ошибся – легенды в Щелицах оказались в дефиците. Либо рассказывать их «городскому» не спешили – о местных своих корнях Алексей никому не обмолвился. В наше время о предках-помещиках лучше помалкивать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.